

А. Н. ОСТРОВСКИЙ

Великий драматург великого народа

12 апреля советская страна торжественно отмечает знаменательную дату в истории родного искусства — 125-летие со дня рождения корифея русской драматургии Александра Николаевича Островского.

В мировой литературе прошлого века Островский — явление исключительное, монументальное: его мотуши и щедрый талант — яркое свидетельство гениальной даровитости великого народа. За пятнадцать лет до появления первой пьесы Островского В. Г. Белинский, глубоко понимавший идейную, воспитательную роль театра, как искусства подлинно массового, народного, восклицал:

«...Как было бы хорошо, если бы у нас был свой, народный, Русский театр!.. В самом деле — видеть на сцене всю Русь, с ее добром и злом, с ее высоким и смешным, слышать говорящими ее доблестных героев, вызванных из гроба могущественной фантазией, видеть бие пульса ее могучей жизни...»

Фонизин, Грибоедов, Пушкин, Гоголь, Островский — создатели русского национального театра.

Доля, внесенная Островским, поистине громадна. Он создал около пятидесяти пьес, составивших художественную энциклопедию быта и нравов эпохи с ее положительными и отрицательными сторонами. Рассматривая его творчество в целом, нельзя не поражаешься мощи его таланта, патристической целеустремленности его творческого пути, благородству мысли. Неуклонно углублялось и расширялось идейное содержание его драматургии. Отдельные колебания в начале пути — сближение со славянофилами — были серьезны, но кратковременны и не могут заслонить для нас величие его творческого подвига. Островский не был революционером-

движения народа, он искал в прошлом те черты национального характера, которым надлежало развиваться в будущем. Поэт истинно народный, он глубоко постиг народную стихию во всех ее проявлениях: в чаяниях и дерзаниях, в чистоте нравственности, в любви к красоте, в совершенстве народного слова. Народ был его единственной любовью, и драматург мог бы сказать о себе словами своего героя Козьмы Минина:

Мое одно — одна любовь святая
К родной стране, — я сын ее, любовью

Сыновню горит душа моя!
Услышал я, что кровью и слезами
Исходил Русь...
Любовь моя хотела
Увидеть Русь великою, богатой,
Цветущею-привольем на свободе...

Горячий патристизм Островского со всею силою сказался в том чисто русском упорстве, с каким он осуществлял дело всей своей жизни — утверждение на русской сцене нужного народу театра.

Островский утверждал национальную самобытность русской драматургии; как и талант драматурга, он все свои способности руководителя и организатора отдал борьбе с рутинной и консерватизмом казенной театральщины, с пошлостью буржуазных вкусов, с засильем на русской сцене второстепенного иностранного репертуара.

Великий русский художник, он обладал мировой драматургией не только огромным количеством новых образов, но и неведомым до него умением сочетать реалистически верное и точное воспроизведение социальных отношений и быта с глубоким и осознанным демократизмом, умением раскрыть в движении характер простого человека. «Чародей слова», как на-

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР ГАЗЕТА

№ 29 (2412)

Суббота, 10 апреля 1948 г.

Цена 40 коп.

Бор. ЛАВРЕНЕВ

Могучая сила

Четыре года назад, апрельской ночью, напоенной смолиным запахом хвой, мы возвращались в блиндаж командира дивизии с концерта, данного бригадой московских артистов на переднем крае. Шли вдвоем — я и ординарец полковника, старший сержант Пеленкин, человек средних лет, немного рябоватый, разбитый и чрезвычайно разговорчивый.

Но сейчас Пеленкин шагал молча, опустив голову, и даже в неверном лунном свете, фосфорно сочившемся сквозь ветки, можно было заметить на его лице сосредоточенную напряженность мысли.

Только что прослушанный нами концерт состоял из три четверти из драматических отрывков, а отрывки были преимущественно из пьес Островского. Разыгрывались сцены из «Грозы», «Бешеных денег», «Доходного места» и «Бесприданницы». Исполнение было превосходное — в дивизию приехали большие актеры, и концерт прошёл в благоговейной тишине, при восторженном внимании.

Мне захотелось спросить моего спутника, о чем он задумался, но прежде чем я успел задать вопрос, Пеленкин неожиданно остановился и громко сказал:

— Глубокая впадка, товарищ майор!

— Что? Вы о чем, Пеленкин? — спросил я в недоумении.

— Глубокая впадка, говорю, товарищ майор... — сизив голос, продолжал Пеленкин. — Сидим мы с вами и слушаем товарищей актеров. Им показывают они бойком как будто не нашу жизнь... Про дворня, или про кушцов и чинишников, разное такое, забытое. Об этом, может быть, сейчас один столетний старик помнит, а нам и невдомек. Одним словом, мы с вами на одной полочке, а эти, которых актеры разыгрывали, вовсе на другой. Как будто нам с вами и дела нет до их жизни. Отжили они свое и — прощайте, у нас свои хлопоты, не до вас... А вот выходит совсем не так...

Вот, барышня терзается, что от бедности не может жизнь устроить, вещь ее считают. Нам с объективной точки вроде смешно, когда у нас любя девушка куда угодно дойдет, хоть в профессоры — была бы охота... А про приданое даже в деревне только самые отсталые еще помнят, Казалось, нам с вами, товарищ майор, на это все, как на комедию и глядеть надобно. А вместо этого я слезу пролил, и сердце у меня сжалось за барышню. Задумался я, от какой причины мне нужнее чувства душу преворачивают... И думаю, что писатель Островский на глубокой впадке работал.

— То-есть? — переспросил я Пеленкина.

— А вот как на поле, товарищ майор! Помню я, как папаша до коллективизации плужком ковырялся, а нынче у нас на полях трактор землю до самого нутра выворачивает... Так, видно, и в социальном деле — один поверу слезит, только параша, а кому настоящий талант достался, тот пластами берет, выглуб, до самой жизненной середины. А раз жизнь лемехом поднял, так она век веков жить будет, никогда не зачахнет...

В дни, когда моя Родина чтит память великого своего художника слова и сердца, вспоминаю мне этот поной разговор с сержантом Пеленкиным, который в неловких, но подлинно взволнованных и правдивых словах определял основу могучей силы таланта Островского.

В драматургии Островского, за отдельными фигурами его героев, всегда стоят подвиги его гигантским дарованием общественные пласты современной ему России и русского общества.

Глубокой впадкой подымает Островский со дня «темного царства» представителей различных общественных слоев и

на своих хлопоты, не до вас... А вот выходит совсем не так...

Вот, барышня терзается, что от бедности не может жизнь устроить, вещь ее считают. Нам с объективной точки вроде смешно, когда у нас любя девушка куда угодно дойдет, хоть в профессоры — была бы охота... А про приданое даже в деревне только самые отсталые еще помнят, Казалось, нам с вами, товарищ майор, на это все, как на комедию и глядеть надобно. А вместо этого я слезу пролил, и сердце у меня сжалось за барышню. Задумался я, от какой причины мне нужнее чувства душу преворачивают... И думаю, что писатель Островский на глубокой впадке работал.

— То-есть? — переспросил я Пеленкина.

— А вот как на поле, товарищ майор! Помню я, как папаша до коллективизации плужком ковырялся, а нынче у нас на полях трактор землю до самого нутра выворачивает... Так, видно, и в социальном деле — один поверу слезит, только параша, а кому настоящий талант достался, тот пластами берет, выглуб, до самой жизненной середины. А раз жизнь лемехом поднял, так она век веков жить будет, никогда не зачахнет...

В дни, когда моя Родина чтит память великого своего художника слова и сердца, вспоминаю мне этот поной разговор с сержантом Пеленкиным, который в неловких, но подлинно взволнованных и правдивых словах определял основу могучей силы таланта Островского.

В драматургии Островского, за отдельными фигурами его героев, всегда стоят подвиги его гигантским дарованием общественные пласты современной ему России и русского общества.

Глубокой впадкой подымает Островский со дня «темного царства» представителей различных общественных слоев и

прослест и выворачивает их на солнечный свет во всей их неприглядной обнаженности. Самодуры, деспоты, хапуги и взяточники, хищники, лишенные чести и моральных устоев, составляют в драматургии Островского одно огромное полотно, отражающее с необычайной и резкой полнотой сущность собственнического мира.

Но Островский был и пламенным романтиком человеческого чувства, проникновенным и мягким лириком.

Достаточно напомнить три женских образа, оставленных нам как драгоценное наследие: Катерина, Лариса, Снегурочка.

По ясности, по душевной красоте и общительности эти героини Островского по праву занимают почетное место в мировом пантеоне женских литературных образов. Глубина понимания женской души и способности русской женщины на любое самопожертвование, на протест против семейного и социального гнета позволили Островскому наполнить образы своих героинь такой жизненной силой и правдой, что более чем через полвека после их создания они близки сердцу советского зрителя. Таково волшебство гения.

Я не знаю, где сейчас Василий Трифонович Пеленкин. Может быть, он сидит за рулем трактора, и в эти весенние дни, когда мы поминем народного драматурга, Василий Трифонович подымает глубокие пласты влажной земли. Может быть, бывший сержант Пеленкин не помнит уже ночного лесного разговора в апреле 1944 года. Но я этого разговора не забыл и думаю, что мысль, которую высказал тогда Пеленкин, трудно забыть. — о ней должны помнить и драматурги нашей советской эпохи.

Не нарывать по поверхности, а брать пластами «выглуб, до самой жизненной середины», должен всякий, кому достался от судьбы талант и кто чувствует свою ответственность перед народом.

силы. Бунт Параша из «Горячего сердца», неподкупность Агнии, с позором изгнанной толстосума Ахова («Не все коту масленица»), изображены драматургом с поэтическим жаром и глубоким сочувствием. Островский знал, как трудна борьба с силами зла, как неравны силы борцов-одиночек в схватке со сложившимися, устойчивыми формами быта. Он не кривил душой и не выдумывал «счастливых концов». Вряд ли можно назвать «счастливым концом» финал «Последней жертвы». Эта «комедия в 5 действиях» — одно из самых ярких по драматизму произведений русского классического репертуара. Трагична судьба актрисы Негини в другой комедии Островского «Таланты и поклонники». Но даже в тех пьесах, где Островский приводит своих героев к благополучной развязке («Не все коту масленица», «Правда — хорошо, а счастье лучше»), он всегда дает понять, что «счастливым концом» пьесы скорее частный случай, чем закономерность, и что зрителю не следует питать иллюзий в мире, где властвуют деньги. Реализм Островского чужд лживая идеализация собственнического уклада. В особенной яркости он достигает в постановке нравственных проблем, многие из которых продолжают нас волновать и сегодня.

Современному советскому человеку, освобожденному от ярма капитализма, в высокой степени присуще то гордое чувство собственного достоинства, за которое ратно в своих произведениях великий писатель. Нашим людям неавишна воинствующая «копейка», которая в иных странах вается долларом, — это дела не меняет. зивать в советских людях патристическую гордость и ненависть к власти денежного мешка — прямая задача советских аматургов. Выпояляя ее, они являються стойкими наследниками Островского.

В домишке

П. И. Чайковского

В Государственном доме-музее П. И. Чайковского в Клину в юбилейные дни проведена сессия на тему «Чайковский и Островский». Здесь будут заслушаны доклады о фольклоре в музыке и негурочке, об уничтоженной композиции и ныне восстановленной профессора П. А. Ламм партитуре оперы «Воевода». Выставка отобразит творческое дружество Чайковского, Островского и рова, их общественное, литературное и бытовое окружение.

На выставочных стендах экспонируются списанные материалы, по которым воссоздавалась опера «Воевода», музыкальные фрагменты к драме «Дмитрий Иванович», увертюра к драме «Гроза» и др.

Сессия закончится большим концертом, в котором московскими артистами будут впервые исполнены отрывки из оперы «Воевода».

раде

Ленинградские литературоведы, театральные деятели, Ленинградский театральный музей и сударственная театральная библиотека ени Луначарского откроют к сессии выставку, посвященную жизни и творчеству Островского.

Водные „проселки“

Сорок шесть областей Российской Федерации получают в этом году новые речные пути, равные по протяженности Волге. Речь идет о мелких, зеленых речках, которые никогда не знали судоходства и по которым в ближайшее время пойдут баржи, катера. Таких рек в нашей стране свыше 100 тысяч.

— Более ста малых рек РСФСР уже стали судоходными, — сообщил корреспонденту «Литературной газеты» Н. В. Семикин, начальник недавно созданного при Совете Министров РСФСР Особого управления по транспортному и водному управлению по реке Исеть в Курганской области, по реке Пижме в Кировской области, по реке Кереши — в Новгородской, освенной реки Обва, Пчезжа, Сымама, Бакса, Воль, Шаа.

Маленькая речка Цна, которую прежде скур в брод переходили, в прошлом году сжелезено заменила своим еще не полным длиной 200 километров, или 1300 лошадей. Помножьте эти данные на количество навигационных дней, и вы получите огромную цифру экономии. По новой голубой дороге, тамбовские колхозники перевезли тысячи тонн продуктов сельского хозяйства, а навстречу этому потоку двигались на баржах машины, горючее для МТС, промышленные товары.

— В ближайшее время, — продолжает тов. Семикин, — мы приступаем к реконструкции реки Медведицы в Калининской области. Эта река пересекает земли 11 районов, в ее освоении заинтересованы 89 сельсоветов, 688 селений, 85 тысяч колхозников.

— Каким образом малые реки становятся судоходными?

— До сих пор, — отвечает тов. Семикин, — мы ограничивались расчисткой и углублением их. Теперь реконструкция малых рек осуществляется в тесной связи со строительством сельских гидроэлектростанций, поэтому широко применяется метод шлюзования. На Цне, например, уже введены в эксплуатацию два гидроузла — Горельский и Мамонтовский. Река стала не только судоходной — она дает электроэнергию и воду для орошения десятков колхозов. В ближайшем будущем на Цне будет построено 12 гидроузлов. Гидроузлы проектируются также на реке Мокше в Мордовской АССР и на подмосковной реке Осетр. Начинается строительство большой Никольской плотины на маленькой реке Дубна, а на реке Нара, Московской области, строится первая в Союзе судоходная дорога, которая заменит шлюзы.

Перечисляя наиболее крупные стройки этого года, тов. Семикин остановился на перспективе освоения реки Холер. На ней будет построено 16 гидроузлов, которые дадут колхозам трех черномозных областей около 4000 киловатт электроэнергии. Подъем воды в реке создаст исключительные возможности для орошения земель природных колхозов.

— Реконструкция малых рек, — заявил в заключение тов. Семикин, — изменит весь прибрежный ландшафт. На берегах узких рек и речон, превращаемых в «проселочные» дороги волных магистралей, вырастут красивые плотины, шлюзы, электростанции, мельницы, мастерские, лесопилки. Тысячи гектаров орошенных колхозных земель покроются тучными пашнями и садами. «Голубые дороги» приведут наши села и деревни к новому расцвету экономики и культуры.

ЛЕНИНГРАДЦЫ ЧЕСТВУЮТ СВОИХ ЛАУРЕАТОВ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В Доме писателя имени Маяковского состоялось собрание ленинградских литераторов, посвященное присуждению Сталинских премий за 1947 год. От имени правления Ленинградского отделения Союза советских писателей тов. А. Прокофьев горячо поздравил лауреатов В. Панова, Ю. Германа, Б. Мейлаха, В. Кетлинского.

По поручению оргкомитета отделения Союза писателей лауреатов приветствовала Елена Серебровская.

— Сегодня я особенно сознаю свою ответственность перед читателями, — сказала В. Кетлинская, — а наши читатели — это весь советский народ. Я хочу создать новые книги — глубокие, лучшие, увлекательные тек, которые уже написаны мною.

Моем ответом на высокую оценку сценария «Пирог», — заявил Ю. Герман, — могут быть только новые произведения, достойные высокого звания лауреата Сталинской премии. На протяжении всей работы над этим сценарием большую помощь оказывала мне суровая товарищеская критика писателей, кинематографистов; такую же настоящую творческую критику я надеюсь получить и сейчас в работе над романом «Несколько дней» и над сценарием «Белый снег».

На собрании выступили также В. Панова, Б. Чирсков и другие. С огромным воодушевлением ленинградские писатели приняли приветствие лучшему другу советской литературы — великому Сталину.

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ДОШКОЛЬНОМУ ВОСПИТАНИЮ

В Москве проходит первая научная конференция по дошкольному воспитанию. Ученые-педагоги, воспитатели и родители, около 500 делегатов, принимают участие в разработке теории дошкольного педагогики, в критике ее недостатков.

Член коллегии Министерства просвещения РСФСР тов. Волкова рассказала о достижениях дошкольного воспитания в нашей стране. Только лишь РСФСР насчитывается более 175 тысяч детских садов. Их посещает более 860 тысяч детей. В Советском Союзе созданы основы общественного дошкольного коммунистического воспитания. Однако теоретическая разработка отстает от практики.

С докладом о развитии детского изобразительного творчества выступила доктор педагогических наук Е. А. Флёрная.

— Буржуазные теоретики, — сказала она, — понимают детское творчество как инстинкт, как врожденную склонность. Наша наука опровергает эти ложные реакционные толкования. Не инстинкт, а действительное познание мира — вот основа детского творчества.

К. В. Махова, мать пятерых детей, поделилась своим опытом воспитания и обосновала необходимость преподавания педагогики и психологии в средней школе.

Действительный член Академии педагогических наук Е. И. Медынский призвал воспитателей-практиков участвовать в педагогических аттестациях, проводимых академией.

Многие из делегатов жаловались на отсутствие книг, рассказывающих в доступной для школьников форме о жизни и деятельности наших вождей, о героях гражданской и Отечественной войны, о знатных людях страны.

Конференция продолжает свою работу.